

С.Б. Крих

А.В. МИШУЛИН И ЕГО СПАРТАК

Статья посвящена вопросам взаимосвязи исторического творчества и исследовательского таланта А.В. Мишулина, с одной стороны, и его концепции восстания Спартака – с другой. Автор подчеркивает, что слова Сталина о «революции рабов» имели свое гипнотическое воздействие (С.Л. Утченко) преимущественно на историков древности (и не столь сильно на медиевистов), потому что именно антиковеды сами были близки к теории такого рода. Для Мишулина и его Спартака эта теория стала чем-то вроде откровения, но оно имело ограниченное воздействие на его талант. Мишулин не был значительным историком и не стал им. Он отличался слишком прямолинейным видением истории, а потому его труды произвели лишь кратковременный эффект в советской историографии.

Ключевые слова: А.В. Мишулин, «революция рабов», Сталин, восстание Спартака, советская историография.

Научное творчество Александра Васильевича Мишулина (1901–1948) при относительно скромном объеме отличается большим разбросом: оно касается стран от античной Индии до античной Испании, периодов от древнего Египта до истории славян и тематики от особенностей античной экономики до проблем провинциального управления в эпоху Римской республики. И все же история восстания Спартака занимает в нем особое место.

Широкое использование имени Спартака было чертой эпохи. О причинах этой популярности в молодом советском государстве и формах, в которых она проявлялась, написано достаточно¹, но все-таки следует кратко обрисовать масштабы явления. Фактически Спартак (не столько исторический, сколько мифологизированный) входил в сакрализованный сонм борцов за свободу, пролетарских святых, отдавших жизнь за грядущее переустройство мира². Тем самым он был важным культурным символом и стал, как бы сказали теперь, брендом. Футбольный клуб и добровольное спортивное общество профсоюзов (название – с 1935 г.), всесоюзные соревнования, многочисленные стадионы, кинотеатры, фабрики,

Крих Сергей Борисович – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

¹ Из последних работ следует упомянуть книги Е.А. Чиглинцева (2009, 198, 202–212, кстати, с обильными ссылками на Мишулина) и В.А. Горончаровского (2011, 6–8).

² Положительную характеристику восставшему рабу дал сам Маркс: в одном из писем к Энгельсу он панибратски назвал Спартака «самым великопепным парнем (der famoseste Kerl) во всей древней истории»; в 1930–40-е годы, правда, этот отрывок иногда переводили (кажется, тоже с легкой руки Мишулина) нейтрально: «лучший человек». Ср. Marx, Engels 1974, 160; Бенклиев 1949, 5.

улицы, села и, конечно, личные имена – все это частично восходило к группе немецких марксистов «Союз Спартака» с прославлявшимися К. Либкнехтом и Р. Люксембург, но и за этими последними всегда стояла тень восставшего раба, образ которого в СССР создавался с помощью художественной литературы (прежде всего благодаря многочисленным переизданиям романа Р. Джованьоли, а затем и Г. Фаста), кинофильмов, наконец, балета.

Увлечение было, таким образом, вполне естественным, а в случае с А.В. Мишулиным и вполне искренним. К сожалению, в научной литературе фигурирует некорректная версия, согласно которой А.В. Мишулин назвал Спартаком своего сына в благодарность за то, что получил пост главного редактора «Вестника древней истории»³. Но исполнять обязанности главного редактора Мишулин стал только в 1938 г., а его племянник и в будущем известный актер Спартак Васильевич Мишулин (1926–2005) родился на 11 лет раньше. Логичнее уж тогда было бы связать выбор имени с немой фильмом «Спартак», впервые показанном в Киеве в декабре 1926 г. (в Москве показ состоялся только в 1928 г.)⁴. Правда, и в этом нет необходимости: согласно семейной легенде, А.В. Мишулин, историк нового поколения, действительно повлиял на это решение. Более того, своего сына он назвал именем другого героя восставших низов в древности – Аристоником, и это также произошло до начала решающей фазы его успешной научно-партийной карьеры.

Уже это характерное несовпадение фактов и их отражения в последующей историографической традиции дает нам некоторые штрихи к образу историка: он, бесспорно, был «выдвиженцем», органической частью новой советской культуры и науки, представителем свежего поколения с безупречной классовой репутацией. Это лишало его особенного шарма дореволюционных ученых: студентов 1940-х годов смешили его просторечные выражения, невозможные в устах профессоров «старой» школы. Но этот же фактор освобождал его и от специфического страха перед властью, который был у тех, кто мог опасаться ее из-за определенных пунктов своей биографии. Его роман с режимом был взаимным.

Большинство исследователей сталинской эпохи смотрят на историков тех лет именно с точки зрения опасений, которые испытывали ученые, создавая свои труды: страх перед тем, что ты можешь не вписаться в постоянно извивающуюся правильную «линию», что тебя подвергнут «проработке» и ты станешь жертвой специально организованной идеологической «кампании» – все это должно было сильно деформировать результаты творчества, одним из ключевых условий которого является свобода. Но ведь были и те, для кого сотрудничество с властью стало изначальной данностью, *condicio sine qua non*, и они не знали принципа выше, чем точное следование указаниям партийного руководства. Они не являлись также и «старыми большевиками», так что за ними еще не тянулся шлейф сомнений в правильности выбора пути, по которому теперь шло советское общество; наконец, и Сталин ими воспринимался как первый и ближайший соратник Ленина. Из них далеко не все и потом, уже почуяв на себе тяжелую длань режима, пережили разочарование, взамен научившись не замечать неприятных вещей и получать удовольствие от приобретенных привилегий. Мне кажется, в наше время, когда вопросы о мере сотрудничества и взаимного влияния между властью и исторической наукой вызывают серьезный интерес, было бы полезно увидеть на примере прошлого века, каковы были параметры и результаты этого взаимодействия. Рассматривая созданные в то время тексты, попробуем учесть и общий контекст времени их создания, и подтекст, который всегда говорит об истинной мере свободы научного творчества.

После того как в феврале 1933 г. на первом съезде колхозников-ударников И.В. Сталин провозгласил тезис о революции рабов, ликвидировавшей рабовладельцев как класс, начался звездный час Мишулина-антиковеда. Спустя 15 лет в его некрологе будет сказано,

³ Судя по всему, взятая из вторых-третьих рук, версия эта получила популярность благодаря работе В.З. Рубинзона и даже попала во вполне солидное издание источников по рабским восстаниям. См. Rubinson 1987, 7; Shaw 2001, 17.

⁴ Советские художественные фильмы 1961, 168. Фильм не сохранился.

что он занимался темой спартаковского восстания еще будучи аспирантом⁵, но нигде не говорится, что Мишулин, судя по всему, вообще был единственным советским историком, который специально интересовался Спартаксом в те годы⁶. В период с 1934 по 1937 г. он публикует шесть статей и две книги о рабском восстании и его предводителе⁷. Спустя десятилетие (1947) появляется также научно-популярный очерк, изданный тиражом в 50 тыс. экземпляров и переизданный (1950) еще большим – 75 тыс. экземпляров.

В этих работах постулируется ряд взаимосвязанных тезисов: спартаковское восстание было свидетельством тяжелейшего положения рабов в Римской республике; оно отличалось высоким уровнем организации и привлекло на свою сторону как рабов, так и значительную часть обедневших свободных крестьян; противоречия между социальными группами участников движения ослабили восстание и предопределили его поражение; восстание испугало и сплотило класс рабовладельцев, привело к установлению диктатуры императоров, что позволило на время оттянуть наступление революции рабов. Эту общую рамку дополняли более мелкие, но также важные детали: отрицание знатного происхождения Спартака; пересмотр датировки начала восстания в пользу более ранней (74–71 гг. до н.э., а последние очаги – до 60 г. до н.э.); отрицание противоречий на этнической почве среди повстанцев в пользу версии о социальной подоплеке расхождений; использование практически всех известных упоминаний о Спартаке, часто из очень поздних источников или источников со спорной атрибуцией с целью насытить биографию предводителя рабов деталями.

Эта концепция была в дальнейшем неоднократно пересказана и много раз раскритикована как в отдельных ее аспектах, так и целиком, начиная с рецензии П.Ф. Преображенского (1936) и до книги С.Л. Утченко (1965) – тогда, когда это еще имело значение для развития отечественной науки⁸, в дальнейшем – теми, кто испытывал к этой теме не столько исторический, сколько историографический интерес⁹. Поэтому сейчас уже нет никакой необходимости заново погружаться в былые споры и доказывать то, чего давно никто не собирается опровергать: концепция спартаковского восстания у А.В. Мишулина была предвзятой, в значительной степени модернизаторской, очевидно преувеличивавшей роль, значение и последствия рабских выступлений в истории античного общества.

Все это так. Непопулярный в послесталинский период, в постсоветское время А.В. Мишулин вообще оказался в числе «плохих парней»¹⁰: в многотомных «Портретах историков» (2001–2004)¹¹ ему ожидаемо не нашлось места – бюрократ от науки, успешный организатор¹² больше, чем продуктивный ученый, он не идет в сравнение ни с Н.А. Машкиным, ни с С.Л. Утченко. Он написал очень много программных статей-передовиц для редактировавшегося им в течение десятилетия «Вестника древней истории», чем, возможно, обеспечил журналу включение в число обязательных с точки зрения властей изданий, но тем навсегда связал себя с образом пропагандиста, который никак не может ужиться с обликом «настоящего» ученого.

Биографии великих историков интересны нам по двум причинам: обыватели хотят увидеть, что они тоже были людьми, исследователи же хотят понять, как они стали великими. Личный выбор пути и своей роли в жизни, зарождение идей, внутренние противоречия и

⁵ Некролог 1948, 135.

⁶ Помимо этого, он также работал над теорией государства у Платона.

⁷ Сведения В.З. Рубинсона, пишущего о «трех эссе и двух книгах», и здесь неточны: он не учитывает газетных публикаций и вступительной статьи к изданию романа Р. Джованьоли. Ср. Rubinson 1987, 7, 31; Некролог 1948, 140.

⁸ Преображенский 1936; Утченко 1965, 140–148.

⁹ Коржева 1974, 120–129. В этой же статье содержится объемный, но далеко не полный перечень работ по проблеме оценки спартаковского восстания в советской историографии.

¹⁰ Иногда на этот образ работает довольно неряшливая, полная мелких ошибок и неправомерных обобщений публицистика под маской историографии: Рубинзон 1990, 167–169.

¹¹ В отличие от В.В. Струве, С.И. Ковалева, Н.А. Машкина, С.Л. Утченко. См. Портреты 2001–2004.

¹² Об этом см. Павловская 1998, 11–12.

связь между мировоззрением и исторической концепцией – вот то, ради чего создаются научные биографии. Но, на мой взгляд, мы слишком обедняем процесс познания, если задаем все эти вопросы только применительно к творчеству великих ученых. Другие ведь тоже искали, находили и влияли на умы. А.В. Мишулин здесь – вполне уместный пример.

Безусловное читательское впечатление от чтения произведений Мишулина, которое заставляет воспринимать его как конъюнктурного автора, только усилится, если мы обратимся к анализу тематики его произведений (см. Приложение): сколько их ни структурируй, не получается ничего, кроме отдельных тем, каждой из которых посвящено всего понемногу. И почти все объясняется нуждами момента. История древних славян (и отчасти скифов) заинтересовала его в годы Второй мировой войны, когда историческая наука была обязана поддержать чувство патриотизма у славян современных; курсы лекций по истории Греции и Рима изданы потому, что он читал их в Высшей партийной школе (первым ректором которой и был); восстаниями рабов в Греции он занялся для того, чтобы дополнить вузовский учебник В.С. Сергеева, а историографические обзоры писались к юбилею Октября¹³. Не стоит подробно и говорить о статьях, созданных исключительно в качестве реакции на слова и дела партийных руководителей: две почти идентичные про миф об Антее (1937, 1938)¹⁴ появляются в связи с упоминанием этого античного персонажа в речи Сталина; ту же роль играют передовицы для «Вестника древней истории».

Кроме того, никакая типологизация не передаст всей специфики направленности работ Мишулина: многие статьи (например, по древневосточной тематике) – популярные, рассчитанные на самое общее знакомство читателей с предметом; многие рецензии – «боевые», как знаменитая «О бдительности на фронте древней истории» (1937)¹⁵, фиксировавшая разгром ГАИМК, примерно таковы и многие историографические очерки; значительная же часть работ иной тематики – вводные статьи к изданию переводов источников все в том же «Вестнике древней истории». Исключений из этой тенденции немного: так, с 1944 г. историка начинают интересовать международные отношения в античном мире – осталась неопубликованной работа по истории дипломатии объемом 15 печатных листов. Даже Испания представлена скупо – хотя, конечно, мы можем предположить, что, выбирая тему докторской, Мишулин рассчитывал опубликовать гораздо больше, но война, текущие дела и, наконец, смерть помешали ему в этом стремлении¹⁶.

Так или иначе, во всей этой россыпи работ, созданных на злобу дня, тема спартаковского восстания – единственная, которой Мишулин смог и успел уделить сравнительно много внимания. В десятке трудов о Спартаке, конечно, много дословных повторов или вариаций одной и той же мысли, так что в некотором роде все это – одна работа, но это только подчеркивает то, что в данном случае историк смог создать целостную концепцию. И конечно, на первый взгляд, как эта концепция, так и сама избранная тема – самым очевидным образом «заказные»: статьи и книги о Спартаке появляются строго после слов Сталина о «революции рабов». Более того, стилистически эти работы колеблются между довольно откровенной популяризацией и чисто научным исследованием – формально это, конечно, недостаток¹⁷, но, судя по всему, они не могли быть написаны иначе. Все это в совокупности рождает образ историка, который ничего не любил по-настоящему, преданного работника партии, положившего все свои труды не на алтарь науки, а на алтарь идеологии. Таких если и не осуждают открыто, то обречают на забвение.

¹³ Мишулин 1942, 103–107.

¹⁴ Мишулин 1937б; Мишулин 1938а. Статья в ВДИ лучше стилистически обработана.

¹⁵ Мишулин 1937в, 236–240.

¹⁶ Впрочем, и эти темы имели свое актуальное наполнение: международные отношения в конце Второй мировой войны были так же значимы с точки зрения пресловутого политического момента, как тема борьбы Испании за независимость перед ее началом.

¹⁷ Преображенский 1936, 207; Баскин 1936, 127.

Вообще, мы не можем претендовать на то, что в состоянии заглянуть в сердце человека и оценить его по самой высшей мерке. И тем не менее, всегда помня об ограниченности нашего знания, мы должны попытаться понять, как происходил процесс принятия решений, в том числе перепроверяя самих себя прежде всего в тех мнениях, которые кажутся нам наиболее естественными и очевидными.

В современной науке достаточно надежно утвердились следующие представления о казусе с «революцией рабов»: сама эта теория была абсолютно искусственной конструкцией и при этом оказалась более или менее откровенно навязана историческому сообществу. Это и есть то самое очевидное мнение, которое, казалось бы, подтверждают все без исключения данные.

Но мы имеем основания предполагать, что все было несколько иначе. Сталинское высказывание было его персональной оговоркой¹⁸, хотя и оговоркой, скажем так, «по Марксу»¹⁹. Тем не менее оно не являлось частью стройного плана по переделке теории древнего общества. Что же касается историков древности, то они, подготовленные десятилетием поисков марксистской конечной истины, словно ждали чего-то подобного, и потому избранные слова речи, напечатанной в «Правде», произвели революцию в их собственном сознании.

Чтобы подтвердить это, достаточно обратиться к полному тексту и прочитать речь чуть далее. Два абзаца подряд начинаются идентично построенными фразами. «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. [...] Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации»²⁰. И вот, как мы знаем, одна формула имела, повторяя слова С.Л. Утченко, гипнотическое воздействие, а вторая – которая, вообще говоря, переворачивает всю известную историю что с точки зрения фактов, что с точки зрения марксистской теории – была обойдена молчанием. Ни медиевисты, ни историки Нового времени фактически никак не отреагировали на «революцию крепостных»²¹.

Историки же древности давно сами ходили вокруг подобных сюжетов. Например, знаменитое «открытие» С.А. Жебелевым рабского характера восстания Савмака на Боспоре произошло до сталинской речи²².

Следует сразу уточнить: нельзя даже думать, будто перед нами свободное рождение новой теории в результате рационального обсуждения фактов или достижения некоего методологического консенсуса в научной среде. Это именно сервильная реакция на любые движения во властных структурах. Но механизм ее таков, что не только «власть» посылает сигналы, но и «люди науки» ловят каждый намек, пытаясь угадать и даже предупредить высочайшую волю.

Конечно, часто это делалось потому, что историк боялся пострадать за свои прошлые «прегрешения» – не важно, реальные или мнимые, научные или политические. Но в случае с Мишулиным, как уже было сказано выше, эта версия не годится: он был «правильного» социального происхождения, получил советское образование, стал членом ВКП(б) и не примыкал ни к каким периферийным политическим группировкам в партии. Для него повышенное внимание к «революции рабов» могло быть либо способом выслужиться, либо следствием искренней веры в правоту любых утверждений из уст партийного руководства.

¹⁸ Близкая точка зрения: Вайскопф 2001, 22. У деспотических режимов есть особенности: правитель может ошибаться, но не может признавать ошибку.

¹⁹ Подробное обоснование этой трактовки: Крих 2014, 16–20.

²⁰ Сталин 1951, 239–240.

²¹ Медиевисты и «революцию рабов» предпочли спустить на тормозах. Так, в хрестоматии по истории средних веков (1939) она обозначена в оглавлении, но в тексте говорится уже только о «восстаниях рабов и колонов», а сами документы, приведенные в разделе, посвящены исключительно движению багаудов (Хрестоматия 1939, 52, 356).

²² Первая его публикация о Савмаке относится вообще к 1932 г. (Жебелев 1932, 35–37). Очарование очевидных трактовок, однако, таково, что мы можем встретить уверенные обратные утверждения о прямом влиянии выступления Сталина на рождение теории Жебелева (Нуреев 1990, 283). Гораздо более обоснованным представляется подход, признающий известную степень искренности исследователя (Гаврилов 1992, 57–58).

Впрочем, этим двум положениям отнюдь не обязательно быть взаимоисключающими. Более того, вопреки распространенному мнению, «указания сверху» могут даже сыграть роль стимула в научной деятельности. Если мы присмотримся к тому, как отреагировали советские ученые на сталинское высказывание после того, как оно уже было подхвачено, и личная реакция, стало быть, была необходимой, то мы можем увидеть, при некотором своеобразии индивидуальных вариаций, две основные тенденции. Одни подошли к делу максимально (насколько это было возможно в тех условиях) консервативно: время «революции рабов» относилось ими к последним смутным столетиям истории Западной Римской империи, а специфическое наполнение термина затушевывалось отсылкой к волнениям рабов, колонов и ремесленников, и вторжениям варваров. Такой умеренностью отличались позиции П.Ф. Преображенского (1894–1941), который, корректируя неудобоваримую сталинскую терминологию, даже предпочитал говорить об «антирабовладельческой революции III–V вв.»²³. Другие, напротив, постарались насытить сталинское высказывание реальным содержанием, следовательно, показать связь между рабовладельческой экономикой и классовой борьбой, связать наиболее мощные восстания рабов (которые произошли отнюдь не в поздний период античной истории) с крахом античной цивилизации. Таков был путь С.И. Ковалева и А.В. Мишулина.

«Среди историков древности начинается оживление»²⁴, – писал позднее Мишулин о воздействии сталинской речи 1933 г., и мы можем не сомневаться, что эти слова имели автобиографическую составляющую. Как мы знаем, Спартак интересовал начинающего историка как минимум с 1926 г. (когда он и посоветовал дать такое имя своему племяннику), но за несколько лет он совсем не продвинулся в плане научной продукции по этой теме, хотя публиковаться начал еще в 1930 г.

Что ему мешало? Мы можем попробовать ответить на этот вопрос, если еще раз вспомним отличительные особенности мишулинской концепции спартаковского восстания. В ней, по сути, реализованы сразу два больших смысловых смещения. Первое из них – необычайная, если можно так выразиться, *эволюция* рабов. Само собой, сказаны стандартные слова о том, что рабы не имели четкого плана по низвержению рабовладельческого общества и потому восстание было заранее обречено, но гораздо важнее то, как Мишулин показывает сам ход восстания. Выделяется этап «собираения сил»²⁵ (зеркально отраженный этапом долгой борьбы отрядов восставших после гибели Спартака), подчеркивается высокая степень организованности восставших²⁶, обсуждаются их стратегические планы (бегство из Италии²⁷, взятие Рима), причиной же раскола внутри войска объявляются (вычисленные путем спекулятивных рассуждений) классовые противоречия между мелкими крестьянами (которых, между прочим, поддерживают почему-то особенно привыкшие к Италии германцы²⁸)

²³ Преображенский 1934, 106–110. Этот подход в итоге возобладал: например, он отражен в первом официально одобренном советском школьном учебнике по древней истории (под редакцией того же Мишулина): История древнего мира, 204–205. При этом судьба самого П.Ф. Преображенского была печальной.

²⁴ Мишулин 1938б, 8.

²⁵ Мишулин 1936б, 122–123.

²⁶ У восставших был «штаб», а «гражданская война проводилась рабами с поражающей военной организованностью» (Мишулин 1947, 71). Впрочем, большинство современных исследователей также далеки от представления о войске Спартака как о наспех сколоченной шайке, а о восстаниях рабов как о плохо организованных акциях. См., например, Urbainczyk 2008, 50. Что касается «гражданской войны», то это еще ленинское определение – такое же парадоксальное, как сталинская «революция рабов», но и столь же обязательное в те годы (Ленин 1970, 77).

²⁷ Здесь, как и во многих других случаях, Мишулин доверяет Аппиану и Плутарху больше обычного, потому что ему импонируют их версии, и, напротив, игнорирует более близких по времени к событиям Саллюстия и Ливия (Мишулин 1937а, 138; ср. Urbainczyk 2008, 46–47).

²⁸ Позже В.Ф. Миловидов предложил определять степень желания рабов из тех или иных этнических групп остаться в Италии по давности их пленения римлянами. Германцев, в таком случае, отделяли от битв Мария сорок лет, отсюда предположение, что в войске Спартака германцев представляли в основном рабы во втором поколении, родиной которых была Италия (Миловидов 1955, 12).

и рабами²⁹ – те и другие, вероятно, не только четко осознавали свои интересы, но еще и собирались в отряды по классовому признаку. Даже карты могут работать на заданное восприятие: метания Спартака по Апеннинам делятся на этапы и получают наименование походов; области, по которым когда-либо проходили вооруженные отряды, штрихуются и называются территорией восстания³⁰. В общем, в этих описаниях за масками древних рабов и бедноты скрываются образы пролетариев и крестьян эпохи русских революций, по крайней мере, такие, какими их рисовала тогдашняя историография: они борются за идею и ссорятся из-за тактики революционной борьбы, а цели грабежа не стоит даже принимать во внимание³¹, скрывая их за непрозрачным покрывалом слов о классовой ненависти.

Второе смысловое смещение типологически абсолютно идентично первому, но для нас, пожалуй, даже более интересно. Произведения Мишулина о Спартаке пронизывает мысль о том, что «буржуазная» историография либо замалчивала историческое величие Спартака, либо делала ему, что называется, ложные комплименты, тенденциозно преувеличивая одни черты и затушевывая другие; примерно в том же духе искажала образ борца с рабовладельцами и «буржуазная» художественная литература. Тем самым создается образ целенаправленно ангажированной традиции³², чему полностью соответствуют произведения самого Мишулина, с тем лишь различием, что это пролетарская тенденциозность. Противоречия между этой явной тенденцией и научной объективностью как бы оправдываются тем, что классово чуждая наука поступает точно так же.

Почему в 1926 г. или несколько позже такая концепция не имела никакого шанса появиться? Потому что все эти манипуляции могут осуществляться лишь при условии надежной уверенности в правильно выбранной тенденции. До 1933 г. Мишулин мог сколько угодно блуждать во тьме отрывочных свидетельств и недовершенных замыслов о Спартаке. В 1933 г. была получена санкция на определенное толкование, задан вектор движения – по крайней мере, Мишулин воспринимал это так. Все факты встали на место, ненужные версии и трактовки отметались сами собой, а недостающие звенья восстанавливались на основании точного знания о том, как должно было быть. Можно сказать, это было его научным откровением, и оно, в буквальном советском смысле, пришло «сверху». Как мы и писали выше, в этом обретении ответов на все вопросы определенно был элемент личной веры: автор стремился обсуждать свои идеи с коллегами (пусть и не слишком удачно)³³, а это предполагало убежденность в том, что концепция, даже при пересмотре отдельных положений, может выдержать огонь критики, так как обладает не только пропагандистской, но и научной ценностью.

Мы рассмотрели корни этого откровения, но каковы были его плоды? Говоря кратко, они были незначительны – особенно если рассматривать их в плане научной деятельности и с точки зрения той роли, какую сыграло изучение Спартака в научной карьере самого Мишулина. Концепция, которую разработал ученый, оказалась слишком примитивной для того, чтобы раскрыть в нем исследовательский дар.

В последней его книге о Спартаке (1947), которая, по идее, должна представлять некоторый итог авторских изысканий, эта скудость концепции более чем заметна. Из 136 страниц текста (многочисленные иллюстрации отнимают от этого числа еще около

²⁹ Мишулин 1936а, 93 сл.; 1936б, 134 сл.

³⁰ Достаточно сравнить два варианта картографирования: Мишулин 1947, 140–141; Shaw 2001, 6–7.

³¹ Мишулин однажды (1947, 72) даже всерьез предполагает, что повстанцы полностью оплачивали местному населению любые реквизиции. И здесь он уникально одинок, все остальные советские историки того времени признавали, что Спартак лишь безуспешно пытался остановить грабежи (Ковалев 1936, 201–202; Сергеев 1938, 266–267; Миловидов 1955, 13; Карышковский 1956, 42). Впрочем, чрезмерный акцент на этой неприглядной стороне событий мог вызвать и критику (Бенклиев 1958, 188).

³² Мишулин 1936б, 95.

³³ Мишулин 1937а, 134.

20 страниц) собственно восстанию посвящена едва ли половина (две главки, «Восстание рабов под предводительством Спартака» и «Последний поход Спартака и его гибель»), все остальное – очерки о рабовладении в Риме и о восстаниях рабов до Спартака, построенный на разной степени вероятия предположениях рассказ о борьбе «спартаковцев» после гибели вождя и обзор литературы о Спартаке. Конечно, это часть общеобязательной тогда концепции, которая должна показать связь между кризисом рабовладения и рабскими войнами, но это к тому времени уже и общее место в советской исторической литературе. Да и главы о восстании полны переливания из пустого в порожнее: говоря о гибели своего героя, Мишулин пять раз (не считая цитаты из Аппиана) повторяет, что тот, будучи ранен, «опустился на колено». Это его типичный прием, воспроизводимый как в малом, так и в большом: нагнетая детали, историк после предлагает одну из вероятных версий, оценивая ее не с точки зрения наличных фактов, а исходя из условного здравого смысла³⁴, усиливая ее презумпцией виновности древних авторов (утаивших что-либо, исходя из собственных классовых интересов).

Как партийный деятель, чиновник от науки, А.В. Мишулин получил если не все, о чем мог мечтать советский человек, то многое. Но научное творчество – сфера особенная, здесь ни стартовые возможности, ни статусные предпочтения не могут дать долговременной поддержки. В борьбе идей рано или поздно все решает только качество идей. Идея Спартака-пролетария оказалась бесперспективной, она даже не смогла послужить основой для докторской диссертации. Для этого Мишулину пришлось обратиться к античной Испании.

И здесь его также ожидал успех, но тоже односторонний. Формально его диссертация (посмертно выпущенная в виде книги) вносит определенный вклад в науку, но при этом «Античную Испанию» (1952) нельзя похвалить ни за богатство трактовок, ни за широту обобщений, ни за уникальную обработку фактического материала. Она во многом написана «по мотивам» работ нескольких западных авторов (в первую очередь А. Шультена, затем – Х. Мелиды и П. Бош-Гимперы, отчасти – Р. Карпентера и П. Пари). Она более тщательно трактует вопросы анализа источников, зато лишена «неистовости» ранних книг. С точки зрения доступности для широкого читателя язык Мишулина прост, но пресен, а потому ему редко удается привести в гармонию научную и популяризаторскую составляющие³⁵.

Именно поэтому судьба творческого наследия Мишулина в общем и целом незавидна. В течение десяти лет в ней не останется никаких существенных элементов, которые бы не были раскритикованы³⁶, а сама общая тенденция применяемых им объяснений, пожалуй, воспроизводится лишь один раз в диссертации В.Ф. Миловидова в 1955 г., только уже без срединного столпа – положения о «революции рабов»³⁷. Но дело даже не в отвержении тех или иных его концептуальных или фактических положений. Некоторые исторические книги могут принципиально устареть с точки зрения современной науки, но все равно остаются привлекательными – не только для обычных читателей, но и для самих историков; книги советских историков здесь не исключение. Что же касается мишулинских стиля и типа письма, то они уже совершенно не воспринимались следующим поколением, да и сейчас, когда переизданы некоторые труды той эпохи, вряд ли возникнет интерес к перечитыванию статей об Антее, о военном деле славян или любой из книг о Спартаке. И это требует некоторых объяснений.

³⁴ «Кажется весьма странным, что в то время как рабы выстраиваются в боевом порядке и вступают в бой “правильным строем”, к тому же еще при наличии достаточной конницы, Спартак закаляет своего коня и во главе армии сражается пешим» (Мишулин 1947, 94).

³⁵ Вскоре появившийся научно-популярный очерк о Спартаке другого автора намного лучше написан и притом более аккуратен в трактовке материала и даже в художественных домыслах, чем любая из книг Мишулина: Карышковский 1956.

³⁶ Важную роль в этом сыграло начала пересмотра предложенной Мишулиным хронологии восстания: Мотус 1957.

³⁷ Исследователь предпочел, опираясь на Ленина, подчеркнуть, что рабы не были революционным классом (Миловидов 1955, 13).

Бывают обстоятельства, в которых историк, находясь под внешним или внутренним давлением, не может написать всего, что ему подсказывают его чувство истории и собственное мировоззрение. Тогда он прибегает (иногда даже невольно) к спасительной лазейке эзопова языка, рассыпая по страницам своих сочинений намеки, полунамеки и неожиданные аллюзии, не привлекающие внимание неискушенных, но заставляющие чуткого читателя – их истинного адресата – остановиться, задуматься и увидеть прорывающийся второй план за бедноватым интерьером плана первого.

В научной продукции А.В. Мишулина этого второго плана нет. Он сказал именно то, что хотел сказать. Все его «намеки» тоже лежат на поверхности: необходимость последовательности в классовой борьбе и неприятие любой фракционности. Это не было слишком плохо или даже совершенно неприемлемо с точки зрения состояния науки и морали в то время. Но в этом не было дара крупного ученого.

Возьмем один пример. В современной историографии о Спартаке заметные позиции занимает версия о роли италийцев в этой «рабской войне» (В.З. Рубинзон, П. Пичиннин, А. Дэвидсон). Униженные поражением в Союзнической войне, разоренные гражданской войной 88–82 гг. до н.э., лишенные земли, ограбленные, многие из них были незаконно порабощены, иные маргинализированы, другие влачили жалкое существование. Они и стали, считает ряд авторов, одной из стабильных основ спартаковского войска, более того, коль скоро многие из них имели опыт боевых действий против римлян, то именно их наличие в армии восставших оказалось залогом внутренней дисциплины и боеспособности спартаковских отрядов. Сам маршрут движения Спартака пролегал в основном по тем районам Италии, которые поддерживали марианцев. Это италийские ветераны могли призывать к походу на Рим и не хотели переходить через Альпы³⁸.

А.В. Мишулин, с его вниманием к крестьянской составляющей спартаковского движения («рабско-бедняцкая революция»³⁹), был не так уж далек от этой версии, а его умение подбирать самые головокружительные аргументы для своих интерпретаций вполне могло помочь ему увязать восстание с событиями гражданских войн в Риме – пусть и с другими оценками, чем это делается в последнее время. Но его сугубая сосредоточенность на рабах как на революционном классе, уверенность в том, что крестьяне могли быть только «попутчиками» и имели только экономические интересы, привели его всего лишь к банальному утверждению особой роли опытного вождя в деле борьбы с рабовладельцами.

Краткое «откровение о Спартаке» пришло вместе с верноподданнической лихорадкой и не оставило по себе пробужденного сознания, умения особым образом видеть детали или сопоставлять между собой далекие факты.

Однако во всей этой истории, на мой взгляд, самое интересное, если не центральное, место должен занимать вопрос о том, почему так произошло. Идеологическое воздействие на науку со стороны властных структур было общей травмой, но результаты его сильно разнились в зависимости от личности ученого: в одном случае получались спорные, но талантливые и интересные труды, которым и по сей день не получается дать однозначную оценку, в другом – проходные опусы, не пережившие текущего момента.

Таким образом, ответ не может быть сведен к тому, как власть воздействовала на науку, вопрос еще и в том, на что наталкивался этот внешний импульс, как он преобразовывался в одном и в другом индивидуальном случае. Читателю этих строк будет просто воскликнуть: дело в наличии или отсутствии таланта! – но это ответ настолько же верный, насколько и бессодержательный. Создание интересных текстов часто объясняют наличием таланта, а наличие таланта подтверждается фактом создания интересных текстов. Это всего лишь способ благоразумно уйти от ответа, потому что у нас нет сейчас и вряд ли появится в обозримом будущем теория, которая позволит хотя бы с минимальной степенью надежности объяснять, почему историки, оказавшиеся в сходных условиях, создают такие разные по качеству книги. Тем не менее случай Мишулина позволяет нам предложить одну из версий.

³⁸ Davidson 2012, 135–144; более осторожная позиция: Urbainczyk 2010, 404. Иная точка зрения, отрицающая любой расчет Спартака на помощь свободных италийцев: Baldwin 1967, 294.

³⁹ Мишулин 19366, 141.

Возможно, для того, чтобы появился замечательный результат, ценная своей неоднозначностью концепция, нужна такая же неоднозначность в душе самого автора. Внутреннее напряжение между искренним и необходимым, между устремлениями и обязательствами, едва уловимая вибрация, которую дает только надтреснутый предмет – вот недостающий элемент, превращающий заурядный исторический труд во что-то большее, в шедевр. Если этого напряжения нет, то нет и очарования. Если историк всего лишь цельная и простая натура, то он не сможет передать скрытой боли изучаемой им эпохи.

Внутренние искания могут быть усилены или искажены внешним воздействием, а если их нет, то само внешнее воздействие может стать заменой откровения. Конечно, нужно обладать большой страстью к обобщениям, чтобы утверждать, будто все такого рода подмены рождают пустоцвет. Но в случае с идеями Мишулина это было именно так.

Приложение

Тематика публикаций А.В. Мишулина за 1930–1952 гг.⁴⁰

Тематика научных работ	Период публикации	Количество
Рецензии	1930–1947	10
Восстание Спартака	1934–1948	10
Античная культура и техника	1933–1947	5
Историографические статьи	1935–1941	5
Передовицы (подписанные ⁴¹)	1938–1946	5
Античная Испания	1939–1952	5
Методика преподавания истории	1934–1940	4
История древнего Востока	1934–1935	4
История древних славян	1939–1942	4
Теория античного общества	1932–1939	3
Восстания рабов (кроме Спартака)	1939–1948	3
Учебники, учебные пособия (автор)	1944–1946	3
Другие темы (скифы, военное искусство, марксизм-ленинизм, научная хроника и т.д.)	1938–1948	16
<i>Итого</i> (дублирующиеся публикации исключены)		77

Литература

1. Баскин М. 1936: Рец.: Мишулин А.В. Спартаковское восстание. Революция рабов в Риме в I в. до нашей эры. М., 1936 // Борьба классов. 11, 125–127.
2. Бенклиев С.Н. 1949: Восстание Спартака. Методические указания и материалы к курсовой работе для студентов-заочников. Воронеж.
3. Бенклиев С.Н. 1958: Рец.: Карышковский П. Восстание Спартака. М., 1956 // ВДИ. 1, 187–188.
4. Вайскопф М. 2001: Писатель Сталин. М.
5. Гаврилов А.К. 1992: Скифы Савмака – восстание или вторжение? (IPE I² 352–Syll.³ 709) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 53–73.
6. Горончаровский В.А. 2011: Спартаковская война: восставшие рабы против римских легионов. СПб.
7. Жебелев С.А. 1932: Первое революционное восстание на территории СССР (историческая справка) // Сообщения ГАИМК. 9–10, 35–37.

⁴⁰ В основу таблицы положен «Список научных трудов А.В. Мишулина» (ВДИ. 1948. № 4. С. 140–142). Поскольку он неполон и не вполне точен, то был частично дополнен, прежде всего работами, изданными после его составления.

⁴¹ Ряд неподписанных передовиц в ВДИ несут черты сходства со стилем А.В. Мишулина. В таком случае цифру публикаций по этому разделу можно как минимум удвоить и продлить вплоть до 1948 г. См., например, Павловская 1998, 17.

8. *История древнего мира* 1940: История древнего мира. Учебник для 5–6 классов средней школы / Под ред. А.В. Мишулина. М.
9. *Карышковский П.О.* 1956: Восстание Спартака. М.
10. *Ковалев С.И.* 1936: История античного общества. Эллинизм. Рим. Л.
11. *Коржева К.П.* 1974: Восстание Спартака в советской историографии // ВИ. 10, 118–134.
12. *Ленин В.И.* 1970: О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Полное собрание сочинений. Т. 39. М. С. 64–84.
13. *Крих С.Б.* 2014: История одной цитаты: откуда есть пошла «революция рабов» // Родина. № 6, 16–20.
14. *Миловидов В.Ф.* 1955: Восстание рабов в Италии под предводительством Спартака (74–71 гг. до н.э.). Автореф. ... канд. ист. наук. М.
15. *Мишулин А.* 1936а: Революция рабов и падение Римской республики. М.
16. *Мишулин А.В.* 1936б: Спартаковское восстание. Революция рабов в Риме в I в. до н.э. М.
17. *Мишулин А.В.* 1937а: К истории восстания Спартака в древнем Риме // ВДИ. 1, 133–142.
18. *Мишулин А.В.* 1937б: Миф об Антее // Исторический журнал. 6, 89–94.
19. *Мишулин А.* 1937в: О бдительности на фронте древней истории // Исторический журнал. 3–4, 236–240.
20. *Мишулин А.В.* 1938а: Миф об Антее у древних авторов (Очерк из античной мифологии) // ВДИ. 1, 93–100.
21. *Мишулин А.В.* 1938 б: Советская историография и задачи древней истории // ВДИ. 1, 3–12.
22. *Мишулин А.* 1942: Изучение древней истории в СССР за 25 лет // Исторический журнал. 10, 103–107.
23. *Мишулин А.В.* 1947: Спартак. Научно-популярный очерк. М.
24. *Мишулин А.В.* 1952: Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н.э. М.
25. *Мотус А.А.* 1957: О датировке начала восстания Спартака // ВДИ. 3, 158–166.
26. Некролог 1948: Профессор А.В. Мишулин. Некролог // ВДИ. 4, 135–142.
27. *Нуреев Р.М.* 1990: Всемирная история экономической мысли. Т. 4. Теории социализма и капитализма в межвоенный период. М.
28. *Павловская А.И.* 1998: Первые десятилетия издания «Вестника древней истории» // ВДИ. 1, 6–21.
29. Портреты 2000–2004: Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. Отечественная история / Г.Н. Севостьянов, Л.Т. Мильская (отв. ред.). Москва–Иерусалим; Т. 2. Всеобщая история / Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская (отв. ред.). Москва–Иерусалим; Т. 3. Древний мир и Средние века / Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская (отв. ред.). М.
30. *Преображенский П.Ф.* 1934: Падение древнего Рима // Борьба классов. 5–6, 101–110.
31. *Преображенский П.Ф.* 1936: Рец.: *Мишулин А.В.* Спартаковское восстание. Соцэкгиз. 1936 // Историк-марксист. 6, 207–208.
32. *Рубинзон В.З.* 1990: Муза Клио на службе КПСС // Время и мы. 109, 161–175.
33. Советские художественные фильмы 1961: Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог. Т. 1. Немые фильмы (1918–1935). М.
34. *Сергеев В.С.* 1938: Очерки по истории Древнего Рима. Ч. I. М.
35. *Сталин И.В.* 1951: Сочинения. Т. 13. Июль 1930 – январь 1934. М.
36. *Утченко С.Л.* 1965: Кризис и падение Римской республики. М.
37. Хрестоматия 1939: Хрестоматия по истории средних веков. Пособие для преподавателей средней школы / Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. Т. I. М.
38. *Чиглинец Е.А.* 2009: Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI в. Казань.
39. *Baldwin B.* 1967: Two Aspects of the Spartacus Slave Revolt // CJ. 62. 7, 289–294.
40. *Davidson A.* 2012: Peasant and Slave Rebellions in the Roman Republic. Diss. PhD. The University of Arizona.
41. *Marx K., Engels F.* 1974: Werke. Bd 30. B.
42. *Rubinsohn W.Z.* 1987: Spartacus' Uprising and Soviet Historical Writing. Oxf.
43. *Shaw B.D.* 2001: Spartacus and the Slave Wars. A Brief History with Documents / B.D. Shaw (transl., ed., introd.) Boston–New York.
44. *Urbainczyk Th.* 2008: Slave Revolts in Antiquity. Berkeley–Los Angeles.
45. *Urbainczyk Th.* 2010: History as Fiction or Fiction as History: the Case of Slave Revolts // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 9, 399–410.

A.V. MISHULIN AND HIS SPARTACUS

Sergey B. Krikh

The article is devoted to the history of connection between the historical writing and historical talent of Alexander Mishulin on the one side and his conception of Spartacus' uprising on the other. The author emphasizes that Stalin's words about "slave revolution" had (as S.L. Utchenko said) a hypnotic effect predominantly on historians of antiquity (not so much on medievalists), because they felt the need for this kind of theory. For Mishulin and his Spartacus this theory became something like a revelation, but it had a limited effect. Mishulin was not and did not become a great historian. He had a very straightforward understanding of history, so his works had a great but not durable impact in Soviet historiography.

Keywords: Alexander Mishulin, historiography, Spartacus' uprising.

Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

krikh@rambler.ru